

Владикавказскія Епархіальныя Вѣдомости.

(ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ).

14 годъ 1908 6—13 Апрѣля. № 14—15
изданія.

Цѣна за 52 №№—пять руб. съ
церквей епархіи; съ членовъ
причта, съ частныхъ подпис-
чиковъ, съ церковныхъ школъ
— три руб. въ годъ; цѣна одно-
го номера—28 к. (четыре поч-
товыхъ марки).

Адресъ: Владикавказъ
(Терской области) Ре-
дакція Епархіальныхъ
Вѣдомостей.

Официальная часть.

Перемѣны по службѣ.

Указомъ Св. Синода отъ 22-го марта за № 3504 Настоя-
тель Александро-Невской г. Владикавказа церкви священ-
никъ Димитрій Бѣляевъ назначенъ штатнымъ членомъ Владикав-
казской дух.-Консисторіи.

Резолюціями Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго
Гедеона, Епископа Владикавказскаго и Моздокскаго: отъ 20 сего
марта псаломщикъ Ларской церкви Іоаннъ Одишвили и псалом-
щикъ Саневской Св. Троицкой церкви Михаилъ Бокурадзе,
согласно прошенію, перемѣнены одинъ на мѣсто другого; отъ
27 марта с. г. священникъ Покровской церкви станицы Мекен-
ской Григорій Сысоевъ, согласно прошенію переводится съ 20

апрѣля къ церкви станицы Галюгаевской; отъ 27 марта с. г. священникъ Николаевской церкви станицы Курской Николай Лавровъ, согласно прошенію, увольняется за штатъ съ 20 апрѣля съ причисленіемъ къ Пятигорскому Спасскому собору на общемъ положеніи о заштатныхъ; Псаломщикъ Казанскаго г. Кизляра собора Филиппъ Константиновъ 16-го марта с. г. Преосвященнѣйшимъ Гедеономъ рукоположенъ въ санъ діакона съ оставленіемъ его на псаломщической вакансіи при томъ же соборѣ; Псаломщикъ церкви ст. Галюгаевской Владимиръ Лукьяновъ 30-го марта с. г. рукоположенъ Его Преосвященствомъ въ санъ діакона съ оставленіемъ его на псаломщической вакансіи при той же церкви.

Резолюціей Его Преосвященства Преосвященнѣйшаго Гедедона, Епископа Владикавказскаго и Моздокскаго отъ 1 сего апрѣля удостоены награжденія слѣдующія лица А) скуфеею: 1) законоучитель Грозненскаго реальнаго училища, священникъ Николай Касторскій, 2) свящ. ст. Новоавловской Іоакимъ Булгаковъ, 3) свящ. Іоаннъ Колпаковъ, 4) свящ. ст. Вознесенской Теодоръ Закхеевъ, 5) Благочинный 9-го округа, свящ. Николай Діомидовъ, 6) свящ. Даллакаусскаго прихода М. Дзахоевъ, 7) свящ. Георгіевскаго жен. монастыря Іоаннъ Пановъ и 8) свящ. Ольгинскаго селенія Іоаннъ Хетагуровъ.

Б) набедренникомъ: 1) законоучитель Грозненской жен. гимназіи священникъ І. Пашковскій, 2) духовникъ Ардонской дух. семинаріи священникъ Александръ Тлатовъ, 3) свящ. ст. Ессентукской Іоаннъ Кармилинъ, 4) свящ. Аки-Юрговской А. Лагуновъ, 5) свящ. ст. Нестеровской В. Поповъ, 6) свящ. ст. Троицкой П. Путятинъ и 7) свящ. Георгіевскаго жен. монастыря Д. Ярошъ.

Присоединенія къ православію

Священникомъ Садоно-Нузальскаго прихода Николаемъ Итоніевымъ присоединенъ 10 февраля 1908 г. къ православію чрезъ св. миропомазаніе изъ раскола Австрійскаго толка мѣщанинъ Косьма Стельмаковъ

Рабочій Садонскаго рудника Турецко-подданный, житель г. Трапезунда Мамедъ-Дурмутъ-Ахметъ-Оглы магометанскаго вѣроисповѣданія, просвѣщенъ 16 декабря 1907 г. св. Крещеніемъ, съ нареченіемъ ему имени „Александръ“.

Редакторъ официальной части Священникъ В. ТОПКИНЪ.

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Христосъ Воскресе!

*«Нынь вся исполнишася свѣта,
небо-же и земля и преисподняя...»*

(Изъ Пасхальнаго канона).

Всякій разъ, какъ наступаютъ чудные дни Свѣтлаго Христова Воскресенія, они приносятъ съ собою столько радости, столько неподдѣльнаго, дѣйствительнаго счастья и духовной отрады, что потомъ, по минуваніи ихъ, долго-долго вспоминаешь ихъ и жалѣешь, что это золотое время. Эти „святыя минуты“ такъ скоро прошли—такъ были кратки! Отчего это? Отчего въ первую Пасхальную ночь, еще задолго до начала церковнаго торжества, уже начинается какъ-то радостно биться сердце при одной мысли о близости великой минуты?—И замѣйте: всѣ даже равнодушные къ своей вѣрѣ, а такихъ теперь большинство, тоже какъ будто ожидаютъ чего-то въ эту святую ночь, о чемъ-то мечтаютъ, къ чему-то готовятся,—къ чему-то великому и страшному, святому и чистому...

Ближе и ближе Святая полночь, все затихаетъ, и воть... въ отдаленіи проносится первый ударъ церковнаго колокола, за нимъ другой, третій,—и широкой, звучной волной разливается въ воздухъ непобѣдимый, торжествующій и радостный „красный“ пасхальный звонъ. Въ этотъ мигъ тысячи душъ охватываетъ непонятный восторгъ и умиленіе, тысячи рукъ поднимаются для изображенія на себѣ крестнаго знаменія, лица просвѣтляются, а уста невольно и съ волненіемъ въ голосъ шепчутъ: «Христосъ Воскресе, Христосъ Воскресе!» А что бываетъ потомъ, во время пасхальной заутрени, когда все въ церкви поетъ и ликуетъ, когда сердца всѣхъ невольно и невидимо какою силою, вдругъ объемлются восторгомъ, одушевленіемъ, всепрощеніемъ и любовью! Кто не испыталъ въ эти неповторяющіяся минуты страннаго ощущенія духовной легкости—какъ будто

свалилась съ тебя безмѣрная тяжесть грѣха и суеты, исчезло куда-то бремя жизни, а на душѣ у тебя хорошо и просто, и сознаешь ты себя такимъ добрымъ, счастливымъ, готовымъ обнять весь міръ—и, что всего удивительнѣе, люди-то, тѣ люди, ближніе, о которыхъ въ другое время ты не можешь вспомнить иногда безъ сердечнаго содраганія и отвращенія, и многіе изъ которыхъ теперь стоятъ вокругъ тебя съ горящими свѣчами. тоже стали вдругъ милыми, добрыми, хорошими, и тебѣ хочется все простить имъ,—всѣ твои разочарованія въ жизни, виною которыхъ подчасъ они были своимъ отношеніемъ къ идеаламъ, всѣхъ приласкать, обнять по слову пасхальной пѣсни „другъ друга обнимемъ“?!...—Отчего на глазахъ у всѣхъ появляются давнымъ давно невѣдомыя слезы умиленія во время церковной молитвы? Откуда все это, откуда такое настроеніе? Гдѣ его источникъ?

Источникъ его въ благодатной силѣ этого дня, раздаваемой „туне“ въ эту ночь Воскресшимъ изъ мертвыхъ, въ силѣ, проникающей безъ подвиговъ, безъ собственныхъ движеній воли, даже какъ-бы противъ ея желанія, въ сердце христіанина. Каждый дѣлается христіаниномъ какъ бы поневолѣ.—Не думай, христіанинъ, что ты испыталъ только вліяніе одушевленной толпы богомольцевъ; не лги себѣ, говоря, что въ тебѣ, теперь маловѣрномъ, проснулись воспоминанія вѣрующаго дѣтства, когда посѣщая храмъ ежедневно на этой седмицѣ, ты въ душѣ своей распинался со Христомъ, умиралъ съ Нимъ, воспринималъ богато дары воскресенія Его. Нѣтъ, не безсознательное очарованіе наполнило твою душу, но пелена страстнаго горделиваго ослѣпленія спала съ нея, и ты опять созерцаешь истину, опять бесѣдуешь съ Богомъ, какъ это доступно бываетъ тѣмъ, кто не ожесточилъ себя постоянной ложью, жестокостью и чувственнымъ паденіями. Ты какъ-бы воспрянулъ отъ сна, воскресъ изъ мертвыхъ, и съ удивленіемъ оглядываясь на свое недавнее прошлое, самъ недоумѣваешь, для чего-же ты обманывалъ себя, удаляясь нарочно отъ Бога, прячась отъ Него, какъ падшій праотецъ предъ своимъ изгнаніемъ изъ рая. Да, это даръ благодати! Это откровеніе Бога, это яснѣйшее доказательство Его бытія и воздѣйствія на насъ. Да, это Онъ говоритъ въ тебѣ, это Онъ, воплотившійся, умершій и воскресшій для твоего спасенія—раскрываетъ тебѣ Себя и тебя-же самого, и говоритъ: смотри, какъ хорошо быть христіаниномъ!

Да, въ эту „свѣтозарную и спасительную ночь“, душа соприкасается мірамъ инымъ и явственно ощущаетъ на себѣ вѣяніе Духа благодати. Въ душѣ, подъ воздѣйствіемъ потустороннихъ силъ, открывается способность особаго духовнаго воспріятія, создается новый «органъ духовнаго чувства», и она самымъ дѣломъ входитъ въ тончайшее, мисти-

ческое, если такъ можно здѣсь выразиться, общеніе съ Богомъ, ощущаетъ Его, видитъ Его въ себѣ (отчего поется: „воскресеніе Христово *видѣше*, Воскресшаго Христа *видѣше*) и уже здѣсь, на землѣ, входитъ въ “ радость Господа Своего». Вотъ почему она вся трепещетъ неизъяснимымъ восторгомъ, вся замираетъ отъ духовнаго блаженства и проливается наружу чистыми слезами умиленія.

Это фактъ, это дѣйствительныя переживанія всѣхъ искренно встрѣчающихъ Свѣтлое Христово воскресеніе, опытно повѣренный почти каждымъ изъ насъ.

О чемъ онъ говоритъ?

О многомъ и очень многомъ. Онъ одинъ, самъ по себѣ, можетъ засвидѣтельствовать истину всего того, что мы знаемъ о Христѣ и христіанствѣ, чему „вѣру емлемъ“, во что уповаемъ, къ чему въ своей вѣрѣ стремимся! Онъ одинъ въ состояніи придать всему этому цѣну и значеніе.

Чтобы убѣдиться въ высотѣ и превосходствѣ надъ всѣми часто отравленными земными услажденіями духовной жизни, чтобы познать ея цѣнность, нужно предварительно вкусомъ извѣдать, осязательно испытать ея радости и утѣшенія, нужно приобщиться ея усладамъ—духовнымъ и безкорыстнымъ. А это, вотъ какъ разъ и дается въ такіе рѣдкіе въ нашей угрюмой, пасмурной жизни, моменты, какъ Праздника Воскресенія, когда Богъ въ душѣ христіанина раскрываетъ Себя во всемъ своемъ величіи и блескѣ, наполняя ее свѣтомъ, ликованіемъ и радостнымъ трепетомъ отъ сближенія съ Безконечнымъ! Такіе моменты воочію показываютъ душѣ мерзость грѣховныхъ наслажденій, ихъ пустоту и мишурность, съ одной стороны,—съ другой, всю прелесть духовной услады. А здѣсь уже даются элементы для сравненія Божіей жизни и діавольской и, далѣе открывается сильнѣйшій мотивъ къ предпочтенію первой и отверженію второй. Одна такая минута, какъ пасхальная, въ состояніи переродить всего человѣка, и часто перерождаетъ на всю жизнь!

Вмѣстѣ съ тѣмъ, неизъяснимое дѣйствіе благодати въ Святую ночь невольно переживается въ душѣ и, въ частности, отражается въ сферѣ интеллекта, какъ новое и самое разительное—по своей реальности—доказательство: а) бытія Божія и б) еще болѣе, дѣйствительности самаго чуда воскресенія Богочеловѣка-Христа, начальника и совершителя христіанства, какъ религіи всечеловѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ такъ быстро „настроить“ душу, всю перевернуть ее,—кто, какъ не Воскресшій Спаситель, стоящій (это чувствуется) невидимо здѣсь-же, въ храмѣ около насъ молящихся (такъ думается въ эту ночь) и невидимо, по слову Своему, «толкующій въ двери нашего сердца»? Кто, какъ не Онъ?

Но уже тутъ, изъ области субъективныхъ переживаній Свѣтлое

Христово Воскресеніе вѣрующей мыслью переносится въ міръ объективнаго изслѣдованія, научнаго изученія, и тема о Воскрешемъ Христвѣ и Его Воскресеніи трактуется съ иной точки зрѣнія—его міроваго значенія и извѣчнаго смысла для всей человѣческой исторіи.

Здѣсь уже выдвигается на первый планъ философія евангельскаго чуда воскресенія Христа-Спасителя изъ мертвыхъ. Въ этомъ отношеніи, Воскресеніе представляетъ событіе колоссальной важности, превосходящее по своему значенію для всемірной исторіи все, когда-либо бывшее и будущее, событіе неизмѣримое, доселѣ еще не вполне оцѣненное во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ на разныхъ областяхъ жизни, да, кажется, и надолго если не на всегда, долженствующее остаться неопознаннымъ во всемъ своемъ величіи. Не даромъ святые угодники Божіи называютъ Воскресеніе Христово „великимъ таинствомъ“! Но, какъ и все дѣйствительно великое, оно вмѣстѣ съ тѣмъ въ извѣстной мѣрѣ и такъ просто, что доступно пониманію даже дитяти, даже совсѣмъ неразвитаго умственно простаго русскаго мужичка. Мы говоримъ—въ извѣстной мѣрѣ; ибо когда начинаешь глубже проникать въ смыслъ ежегодно празднуемаго таинства, оно все болѣе и болѣе кажется намъ глубокимъ, исполненнымъ непостижимаго смысла, «бездною премудрости Божіей, въ тайнѣ сокровенной» и только по временамъ открывающей завѣсу надъ непроницаемымъ мракомъ потусторонняго міра. Величіе чуда Воскресенія открывается уже изъ того, что эта для многихъ только легенда—особенно въ нашъ вѣкъ—фактически сдѣлалась для огромнаго большинства цивилизованнаго міра болѣе достовѣрной, чѣмъ достовѣрнѣйшее изъ общепризнанныхъ человѣческихъ событій, и такъ срослась съ сознаніемъ человѣчества, столько невидимыхъ связующихъ нитей протянула между собой и имъ, что намъ теперь трудно и вособразить себѣ другое положеніе, представить себѣ то, чѣмъ являлось бы человѣчество безъ Христа воскресшаго, какъ пошла бы его жизнь съ вѣрой во Христа умершаго, во Христа—только чловѣка? Намъ кажется, что тогда все было бы по иному; не такъ, какъ теперь,—но если-бы спросить, какъ? Мы не отвѣтили бы вѣроятно, а еслибы и рѣшились отвѣтить, то предположеніемъ, что все въ этомъ чловѣчествѣ: его жизнь, теоріи, общество, религія—строилось-бы очень и очень плохо, что люди, можетъ быть уже давно-бы задохнулись и сгибли въ пропитанной ядомъ разложенія и тлѣна атмосферѣ грѣха и пророка...

Итакъ, что даетъ чловѣчеству „невечерній день Воскресенія“? О, онъ рѣшаетъ все, всѣ мучительные и страшные вопросы чловѣческаго существованія, всѣ загадки и тайны жизни и смерти! Онъ рѣшаетъ все!

Мы поймемъ это, если задумаемся хорошенько въ вѣковѣчные пути міровой жизни, если, по внимательномъ изслѣдованіи, увидимъ въ этой

общей и, въ частности, въ своей жизни трагедію. Человѣчество давно уже узрѣло эту трагедію, давно остановилось передъ ней съ раскрытыми отъ ужаса глазами, и давно уже безпомощно опустило руки въ безсиліи постичь ея узелъ, понять корень, и причину и смыслъ всѣхъ вещей. Въ чемъ же она? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дало уже до-христіанское человѣчество. Древній міръ именно, предъ пришествіемъ Христа-Спасителя пришелъ къ ясному и въ своей ясности поразительно страшному сознанию, что «смерть въ мірѣ царствуетъ», что все-безсмыслица, и нѣтъ предѣловъ распространенію зла. Вездѣ и всюду смерть! Ни разработка идеаловъ нравственной жизни, ни религія съ ея неумолимымъ и безжалостнымъ рокомъ, ни наука, искусство, политика—ничто не въ состояніи потушить разлившееся кругомъ море зла, не въ силахъ вырвать добычу-человѣка—изъ жадной пасти темнаго шеола (у евреевъ), злого ада (у эллиновъ)! Вотъ стоитъ она здѣсь, вокругъ, эта смерть, этотъ врагъ непобѣдимый, всепожирающій, не знающій пощады и жалости!—Предъ неотступными взорами жестокаго чудовища зла и смерти, у тогдашняго человѣка стыла кровь, трепетало отъ ужаса сердце, сжималось тоскливо душа. Человѣчество отъ одного „страха смерти издыхало“, предваряя тѣмъ грядущее апокалипсическое время, которое повторитъ эти первыя времена, только въ несравненно болѣе еще ужасномъ видѣ,—издыхало духовно въ мукахъ исканія смысла жизни и смерти, стремясь постигнуть послѣднюю какъ только актъ перехода къ жизни-же, но не имѣя на такое умозаключеніе ни права, ни власти, ни доказательствъ въ пользу его... Ибо кто изъ мертвыхъ самъ собою приходилъ оттуда, изъ царства тѣней и мрака, кто возвратился съ „того берега“, живымъ, кто разорвалъ тяжелыя цѣпи, сковавшія мертвые члены отшедшихъ „праотецъ, отецъ и братій“ суровой неподвижностью, кто снялъ извѣчныя грани жизни и смерти? Никто!.. Не ясно-ли, что смерть есть совершенное уничтоженіе, абсолютное небытіе, завершающее безрадостную, срадальческую, жалкую жизнь, и.. человѣкъ-безсмыслица, онъ только игрушка въ рукахъ бездушнѣй природы, одарившей его какъ-бы въ насмѣшку сознаниемъ лишь для того, чтобы, извѣдавъ красоту и безобразіе жизни ея, бездны зла и добра освѣтивъ сознаниемъ міръ, онъ этотъ человѣкъ, исчезъ изъ міра, исчезъ навѣки. „Не вообрази, какъ бы говорить эта дикая, жестокая природа, что ты, человѣкъ что-то изъ себя представляешь, какую-то величину, а ужъ тѣмъ болѣе, не думай, будто ты перлъ творенія,—ты ничто, былъ—и нѣтъ тебя! Только и всего:“ Неужели „только и всего“, спрашивалъ человѣкъ? Ну, тогда зачѣмъ жизнь, на что нужна мнѣ жизнь при смерти? Зачѣмъ?

И вдругъ, среди этого холода и унынія, среди предсмертнаго ужаса

и скорби, во всю землю исходить съ Востока вѣщаніе, и во всѣхъ концахъ земли трубнымъ звукомъ раздается Апостольскій глаголѣ: „Христосъ Воскресъ!“ „Радуйтесь!“ Всего два слова, а смотрите, какъ все ожило, встрепенулось и въ радостномъ волненіи откликнулось на зовъ рыбаковъ Галилеи? Что это значитъ, что случилось? Случилось нѣчто, давно всѣми жданное и желаемое и, тѣмъ не менѣе, оказавшееся настолько неожиданнымъ и поразительнымъ, чудеснымъ, что сразу-же приковало къ себѣ изумленный взоръ человѣчества, такъ и оставшагося съ раскрытыми отъ удивленія глазами до „сего дне“. Это удивительное чудо было еще тѣмъ поразительнѣе, что оно было несомнѣннымъ, безусловно достовернымъ, что оно было историческимъ фактомъ. Очнувшись отъ перваго изумленія предъ совершившимся, человѣчество стало разбираться въ рѣшеніи вопроса о томъ, что же собственно случилось. Именно, оно увидѣло, что оттуда, изъ того міра, откуда нѣтъ возврата, собственной силой пришелъ Человѣкъ, уцѣлѣвшій отъ когтей смерти, слѣдовательно, восторжествовавшій надъ ней, доселѣ непобѣдимой, увидѣло и сказало: „смерть! Гдѣ твое жало? Адь! Гдѣ твоя (обычная) побѣда?“ (1 Коринѣ., XV, 55). Этотъ Человѣкъ—Христосъ ясно доказалъ своимъ воскресеніемъ, что смерть—еще не конецъ жизни, что послѣ нея есть „инбытіе“, продолженіе теперешняго существованія, что, слѣдовательно, и наша жизнь не исчезаетъ безслѣдно, а продолжается тамъ.—Ну, развѣ же это не то, что нужно изстрадавшемуся человѣчеству, ну развѣ же это не рѣшеніе трагедіи жизни, узелъ которой въ томъ именно, зачѣмъ намъ нужна жизнь при смерти?! Да, именно, въ томъ нуждалось человѣчество, въ томъ была его надежда.

И теперь, когда надежда осуществилась, всѣмъ стало тотчасъ-же легко и отрадно, все освѣтилось свѣтомъ немерцающимъ, ибо „Безлѣтній свѣтъ плотски всѣмъ возсія“ (7 пѣснь пасхальнаго канона).

Прояснились сознанію человѣка пути міровой жизни, прежде непостижимые въ своемъ стихійномъ безмысліи. При свѣтѣ воскресенія человѣкъ увидѣлъ въ мірозданіи смыслъ: этого смысла въ безсмертіи, въ торжествѣ жизни надъ разрушеніемъ, въ стремленіи расширить, упрочить и увѣковѣчить свое могущество, человѣкъ увидѣлъ, что борьба жизни и смерти велась уже давно и по всѣмъ линіямъ міра, что она уже прошла нѣсколько фазисовъ, но неумолимая смерть—эга величайшая реалистика—жестоко издѣвалась надъ безсильными потугами жизни; что жизнь наконецъ, уже ослабѣвала въ своей силѣ, и что въ этотъ моментъ и совершалось ея «возстаніе изъ мертвыхъ» чрезъ Воскресшаго Христа. Человѣкъ увидѣлъ, далѣе, что, „будучи рѣшительно побѣдою жизни надъ смертью, положительнаго надъ отрицательнымъ, Воскресеніе Христово есть тѣмъ самымъ торжество разума въ мірѣ. Истина Христова Воскресенія есть истина

всещлая, полная—не только истина, вѣры, но также и истина разума. Если бы Христосъ не воскресъ, міръ оказался-бы безсмыслицей, царствомъ зла, обмана и смерти.

Прояснился человѣку смыслъ и его собственнаго существованія. Если Христосъ воскресъ, то Онъ побѣдилъ смерть и, значить, мы безсмертны. А если такъ, то, значить, жизнью у меня двѣ—земная, здѣшняя, и другая небесная—вѣчная, никогда не прекращающаяся и поставляющая меня въ непосредственное отношеніе къ Богу „Отцу свѣтовъ и совершенствъ“, отсюда—я долженъ и свою здѣшнюю временную жизнь располагать по идеаламъ вѣчнаго характера, заботиться о развитіи тѣхъ сторонъ своего духа, которымъ принадлежитъ вѣчное значеніе, поставлять предъ собою цѣли неизживаемыя. А такой неизживаемой цѣлю, осмысливающей всю нашу жизнь, можетъ быть только жизнь въ Богѣ и съ Богомъ чрезъ Христа, и ужъ намъ нѣтъ надобности и случая останавливаться на мрачныхъ картинахъ жизни, какъ на препятствіи къ радостной духовной дѣятельности. Намъ нечего смущаться ни тѣмъ, что мы грѣшны и слабы, ни тѣмъ, что въ мірѣ, повидимому, попрежнему господствуетъ смерть. „Никто-же да убоится смерти, говоритъ въ пасхальномъ привѣтствіи Златословесный учитель, свободи-бо насъ Спасова смерть, угаси ю, иже отъ нея держимый. Плѣни ада, сошедый во адъ. Огорчи его, вкусивша плоти Его... Глѣ твое, смерте, жало: гдѣ твоя, аде, побѣда?“. Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ—и все оправдалъ, все примирилъ, очистилъ, освятилъ, покрылъ всемірный плачъ и горе: «никтоже, поэтому, да рыдаетъ убожества, явися-бо общее царство. Никто-же да плачетъ прегрѣшеній, прошеніе-бо отъ гроба возсія» (изъ того-же пасхальнаго слова).

Что изъ того, если мы и помремъ? «Воскресе Христосъ, и мертвый ни единъ во гробѣ!» (оттуда-же). Рано или поздно нашъ безсмертный духъ вмѣстѣ съ тѣломъ возвратится къ Богу, „Который далъ ихъ“,—въ то блаженное единеніе съ Нимъ, къ которому онъ и приготованъ отъ вѣка. Тогда «отретъ Богъ всякую слезу отъ очей нашихъ», тогда воздастъ намъ блага, «ихъ-же око не видѣ и ухо не слыша, и яже на сердце человѣку не взыдоша». Что-же намъ плакать? Развѣ Христосъ не воскресъ? Воистину Воскресе!

Послушай же, какая рѣка радостныхъ пѣснопѣній, какое, по истинѣ, неистощимое море ликующихъ звуковъ и тоновъ, слышится въ Святые пасхальные дни въ нашей святой православной церкви. Сколько свѣта, духовнаго торжества и веселія, сколько поднимающей и всеохватывающей радости звучитъ въ нихъ, этихъ пѣсняхъ? Такъ бы, кажется, и не вышелъ изъ церкви! Ну, вотъ хоть-бы эта пасхальная пѣсня: „Небеса убо достойно да веселятся, земля-же да радуется, да празднуетъ-же міръ ви-

димый же весь и невидимый Христосъ бо воста, веселіе вѣчное“ (изъ пасхальнаго канона).

„Веселіе вѣчное“—долго еще повторяется въ ухахъ и въ самомъ дѣлѣ чувствуешь въ себѣ это духовное веселіе, эту чудную радость. Да какъ и не радоваться? Вѣдь Христосъ Воскресе?! „Воистину Воскресе“ слышится кругомъ изъ устъ молящихся, слышится громко и то же—радостно. Всѣмъ хочется упиться этими словами, наслѣдиться до конца ихъ тайнымъ смысломъ, ощутить на себѣ «смерти умерщвленіе; адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начала, и играюще воспѣть виновнаго, Единаго Благославеннаго отцевъ Бога, и препрославленнаго» (Пасхальный канонъ).

Приблизились и нынѣ свѣтлые дни Воскресенія. Они уже „здѣ“... Какъ-же мы ихъ встрѣтили, какъ приготовились къ нимъ? Въ обычной-ли своей душевной хладности, или съ горячимъ чувствомъ умиленія? Во грѣхѣ или свободѣ отъ грѣха? Въ правдѣ или неправдѣ? Надъ этимъ нельзя не задуматься и до и послѣ этихъ святыхъ дней. «Пришелъ Женихъ!»! Выходили-ли мы на встрѣчу Ему! Не встрѣтили-ли мы Его въ разодранной хламидѣ души и однако вошли съ Нимъ въ чертогъ на пасхальную вечерю, изъязвленные грѣхомъ, въ ранахъ, сочащихся кровію и гноемъ?!

Пока не поздно, обновимся всѣ въ совѣсти, и жизни. «Очистимъ чувства... и ужъ тогда» узримъ непреступнымъ свѣтомъ воскресенія Христа блистающая и радуйтеся, рекуща, ясно да услышимъ, побѣдную поюще“. (Пасхальный канонъ).

Тогда-то откроются предъ нами „райскія двери“, и мы въ радости воспоемъ: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебѣ славити“.

(„Извѣстія по Казанской епархіи“.)

Христосъ Воскресе!

Радуются небеса, веселится земля, ликуютъ всѣ земнородные и христіанскія души восторженно привѣтствуютъ другъ друга, трепетно восклицая: Христосъ Воскресе!

Какіе чудные, чарующіе слова и звуки! Сколько въ нихъ небесной гармоніи мира и любви, сколько въ нихъ утѣшительнаго и отраднаго какъ для земли, такъ и для неба.

Сей день Господень, день свѣтлый и радостный, день великій, лучезарный и чудный, день любви торжествующей, день истины побѣждающей!

Христосъ воскресе—и радуются ангелы, поютъ торжественную пѣснь прославленія Единороднаго Сына Божія. Великую радость ан-

геловъ раздѣляютъ не только праведныя, благочестивыя души, но и души грѣшныя. Удовлетворена Правда Божія и правда человѣческая, небо примиряется съ землею.

Веселится и вся тварь, сорадуясь человѣку. Итакъ, радуйтесь, людие, и веселитесь: нынѣ вся исполняющаяся свѣта, небо-же и земля и преисподняя.

Даже преисподняя, потому-что теперь не страшны никакія силы ада: зло побѣждено въ самомъ корнѣ,—торжествуетъ добро, вездѣ слышится пѣснь побѣждающей истины—Христосъ Воскресе!

Все говоритъ о радости Воскресенія: украшенные храмы Божіи, священныя, дорогія сердцу христіанскому, пасхальныя пѣснопѣнія съ ихъ радостно бушующимъ моремъ поэзіи, красный звонъ сіяющихъ на солнцѣ церковныхъ колоколовъ и даже возраждающая природа: миллионы дремлющихъ зародышей встаютъ изъ гробовъ; все,—отъ насѣкомаго и червя и до пускающаго ростки-сѣмени,—все оживаетъ, все ликуетъ на высотахъ и въ глубинѣ, въ легкомъ и благорастворенномъ воздухѣ и алмазныхъ капляхъ росы,—все славить Воскресшаго. Въ самомъ нѣжномъ дыханіи весны вѣетъ на насъ возвышеннымъ, сладостнымъ благовѣстіемъ Воскресенія.

Радуйтесь, возлюбленные, и паки реку, радуйтесь! Славьте Господа, призывайте имя Его; возвѣщайте въ народахъ дѣла Его; напоминайте, что велико имя Его; пойте Господу, ибо Онъ сдѣлалъ великое—да знаютъ это по всей землѣ (Ис. 4 и 5 ст. гл. 12). Возвеселитесь и возрадуйтесь всѣ любящіе Его!

Тому радуйтесь, что теперь не страшно никакое зло: истина Любви Божіей непобѣдима, хотя-бы все вмѣстѣ соединилось для борьбы съ нею. По слову Спасителя—созданную Имъ Церковь врата адовы не одолѣютъ,—пусть зло празднуетъ свою кратковременную побѣду, мы знаемъ, что оно обязательно и непремѣнно будетъ побѣждено добромъ.

Тому радуйтесь, что съ Воскресеніемъ Христа соединяется полная увѣренность въ томъ, что и мы обязательно и непремѣнно воскреснемъ. Христосъ воскресъ и тѣмъ положилъ основаніе и нашему блаженному воскресенію. Нынѣ же Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть (1 Кор. 15, 20). Для насъ, христіанъ въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Пророку Іезекилю показанъ и самый образъ всеобщаго воскресенія. Видѣлъ пророкъ Божій... Поле полное мертвыхъ костей. И слышитъ онъ голосъ: Сынъ человѣческій, оживутъ ли кости сіи? И когда изошелъ шумъ, и вотъ движеніе, и стали сближаться сухія кости, кость съ костью своею. Жилы

были на нихъ, плоть выросла и кожа покрыла ихъ сверху... и вошелъ въ нихъ духъ—и они ожили и стали на ноги свои весьма, весьма великое полчище... А послѣ этого, чтобы не оставалось ни у кого никакого сомнѣнія въ значеніи видѣнія, Господь повелѣлъ изречь тайновидцу: такъ говоритъ Господь Богъ: вотъ Я открою гробы ваши и выведу васъ, народъ мой, изъ гробовъ вашихъ, и вложу въ васъ духъ Мой, и оживете и помѣщу васъ на землѣ вашей—и узнаете, что Я Господь, сказалъ это и—сдѣлалъ. (Иезек. 37 гл.). Оживутъ мертвецы наши, возстанутъ мертвыя тѣла (Ис. 26, 19)! Можетъ-ли что теперь страшить васъ, души любящія Воскресшаго, исполняющія святыи законъ Его? Теперь уже ничто не страшно... не страшна и самая смерть. Мы знаемъ, что „плоть и кровь не могутъ наследовать царствія и тлѣніе-нетлѣнія“ (1 Кор. 15, 80), посему «надлежитъ тлѣнному и смертному сему—облечься въ безсмертіе», когда же это случится, тогда исполнится слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою. Гдѣ твоя, смерть, жало? Гдѣ адъ твой трофей? Тогда будетъ у Бога великій праздникъ, у праведныхъ людей великое ликованіе, тогда настанетъ на небѣ—вѣчная весна; и христіанскія кладбища дадутъ для неба вѣчно цвѣтущую и развивающуюся растительность, по слову Господа Вседержителя: вотъ Я творю новое небо и новую землю, и прежнія уже не будутъ воспоминаемы и не придутъ на сердце. А вы будете веселиться и радоваться во вѣки о томъ, что Я творю (Ис. 65, 17). И увидите это, и возрадуется сердце ваше, и кости ваши расцвѣтутъ, какъ молодая зелень (Ис. 66, 14). Не будетъ уже солнце служить тебѣ, душа, свѣтомъ дневнымъ, и сіяніе луны—свѣтитъ тебѣ; но Господь будетъ тебѣ вѣчнымъ свѣтомъ, и Богъ твой—славою твоею (60, 19). Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ и тленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и дѣтеныши ихъ будутъ ѣсть соломину. И младенецъ будетъ играть надъ норю аспида, и дитя протянетъ руку на гнѣздо змѣи. Не будутъ дѣлать зла и вреда никто никому, ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море (Ис. 11, 5, 9). Се, скинія Бога съ человѣками, и Онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ Его народомъ, и Самъ Богъ съ ними будетъ Богомъ ихъ. И отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болѣзни уже не будетъ, ибо прежнее прошло (Апок. 21, 3, 4).

Забудь же, бр. хр., забудь, сестра христіанка, забудь всѣ огорченія, всѣ заботы, всѣ невзгоды, всѣ скорби свои отбрось, забудь—все, за

будь самого себя и... вниди въ радость Господа твоего. Сей день Господа твоего. Сей день Господень, возрадуемся и возвеселимся въ оны!.. Пусть ничто не омрачаетъ твоей радости. Упади, если то будетъ нужно, упади на колѣни предъ заклѣтымъ врагомъ твоимъ и отъ всего сердца, расширеннаго любовью къ Воскресшему, скажи: дорогой братъ! Воскресшаго ради... прости меня... Христа ради... и самъ прости ему все... все... Ты знаешь слова Любви Христовой; побѣждающей наслѣдуетъ все и буду ему Богомъ, а онъ будетъ Мнѣ сыномъ (Апок. 21, 7).

Братіе! Нынѣ—день Воскресенія! Слышите... Св. Церковь зоветъ насъ—Воскресенія день и просвѣтимся торжествомъ и другъ друга обымемъ. Рцемъ: «братіе»! И ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ и тако возопіимъ: Христось воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сушимъ во гробѣхъ животь даровавъ!

(Тамъ-же).

Христось Воскресь.

Бѣгутъ ручьи, журчитъ вода,

Снѣга въ оврагахъ таютъ;

Зимы холодной ни слѣда,

И птички прилетаютъ.

Христось Воскресь! Христось Воскресь!

Ликуетъ жавронокъ съ небесь.

Съ полей давно сошли снѣга,

Спятъ первые цвѣточки;

Покрылись зеленью луга,

Въ лѣсу надулись почки.

Христось Воскресь! Христось Воскресь!

Шумитъ—гудитъ воскресшій лѣсъ.

На чистомъ небѣ нѣтъ ужъ тучъ,

Весенній вѣтеръ вѣетъ;

И весель солнца яркій лучъ,

Привѣтно землю грѣетъ

Христось Воскресь! Христось Воскресь!

Смѣется солнышко съ небесь.

Со всѣхъ церквей несется звонъ

Колоколовъ веселыхъ,

И людямъ всѣмъ вѣщаетъ онъ

И въ городахъ, и въ селахъ.

Христось Воскресь! Христось Воскресь!

И звонъ несется до небесь.

Въ семьяхъ другъ друга всѣ дарятъ
 Яичкомъ ярко-краснымъ,
 И всѣ, ликуя, говорятъ,
 Встрѣчаясь утромъ яснымъ:
 Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ!
 Пришла намъ вѣсточка съ небесъ.

Ек. Бекетова.

Новый Ректоръ Ардонской духовной миссіонерской семинаріи.

20 декабря 1907 г. прибылъ въ станицу Ардонъ и вступилъ въ отправление своей должности новый ректоръ Ардонской миссіонерской Семинаріи, протоіерей Николай Романовичъ Диковскій. Ввиду того, что постъ ректора семинаріи является однимъ изъ самыхъ видныхъ и важныхъ въ нашей епархіи, сообщаемъ краткія свѣдѣнія о новомъ лицѣ въ этой должности. Протоіерей Н. Р. Диковскій родился въ м. Брянславѣ, Ковенской губ., въ многолюдной семьѣ бѣднѣйшаго псаломщика; учился въ Виленскомъ дух. училищѣ и семинаріи; на казенный счетъ посланъ былъ въ Петербургскую Дух. Академію, которую и окончилъ въ 1891 г. Началь службу въ санѣ священника при Кобринскомъ уѣздномъ соборѣ въ началѣ 1892 г.; но уже въ 1894 г. былъ переведенъ въ г. Гродно Законоучителемъ мужской гимназіи, въ каковой должности состоялъ до іюля 1900 г., когда по усиленному и настойчивому предложенію Преосв. Іоакима, бывшаго епископа Гродненскаго, а нынѣ Оренбургскаго, принялъ должность Ключаря каедр. собора и Члена Дух. консисторіи. До этого времени проходилъ еще побочныя поприща: Члена-дѣлопроизводителя при Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ, Законоучителя старшихъ классовъ Гродненской женской Маріинской гимназіи; работалъ въ Братствѣ Софійскомъ въ званіи члена Совѣта, и много другого дѣла приходилось на труженническую долю. Съ 1 янв. 1901 г. и по день отъѣзда изъ Гродно былъ редакторомъ „Гродненскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“. Съ апрѣля 1901 г. и до назначенія въ Ардонъ 10 ноября 1907 г. былъ Настоятелемъ каедральнаго собора. Въ г. Гродно, гдѣ о. ректоръ прослужилъ послѣдніе почти 14 лѣтъ, отъѣздъ его вызвалъ большое сожалѣніе въ обществѣ при сознаніи утраты полезнаго дѣятеля. Позволимъ себѣ сдѣлать объ этомъ краткую выдержку изъ описанія проводъ о. ректора, сдѣланную П. А. Честнымъ въ „Вѣстникъ Виленскаго Свято-Духовскаго Братства“, 1908 г. № 2. „15 дек. 1907 г. отбылъ изъ Гродно въ Ардонскую Семинарію ректоръ ея о. Н. Диковскій. Софійское православное братство при соборѣ понесло въ его лицѣ крупную утрату. Получивъ высшее духовно-богословское образованіе подъ руководствомъ извѣстнаго профес-

сора М. О. Кояловича, о. Диковскій унаслѣдовалъ отъ него и его горячую любовь къ исторіи сѣверозападнаго края, и въ теченіи всего своего пребыванія въ Гродно много сдѣлалъ для выясненія судьбъ православія и русской народности по западно-русской окраинѣ. — 9 дек. происходило прощаніе Софійскаго Братства, соборнаго причта и всѣхъ прихожанъ кафедральнаго собора съ о. прот. Диковскимъ. Въ этотъ день Преосв. Владимиръ, епископъ Бѣлостокскій, совершилъ божественную литургію, въ сослуженіи соборнаго причта, по окончаніи которой Преосв. Михайлъ, епископъ Гродненскій и Брестскій, сказалъ отъѣзжающему прочувствованное слово, съ указаніемъ заслугъ его для Братства и прихода, и благословилъ его иконою Казанской Божіей Матери. Затѣмъ, выступилъ съ рѣчью отъ лица соборнаго причта преемникъ о. протоіерея о. Іоаннъ Корчинскій, преподнесшій отъѣзжавшему икону Св. Николая Чудотворца. Въ своей рѣчи о. прот. Корчинскій отъѣнилъ тотъ духъ единенія и миролюбія, какой былъ особенно присущъ о. прот. Диковскому. На указанныя рѣчи о. Николай отвѣтилъ обстоятельно и трогательно. Слова его дышали такою искренностью, что многіе изъ присутствовавшихъ плакали. Затѣмъ Преосв. Михайломъ, въ сослуженіи Преосв. Владимира, соборнаго и городского духовенства, былъ совершенъ молебенъ Пресвятой Богородицѣ и Чудотворцу Николаю. „Вечеромъ того же 9 дек., въ актовомъ залѣ женской гимназіи, состоялось экстренное общее собраніе членовъ Софійскаго Братства. Собраніе почтили своимъ присутствіемъ Преосвященные Михайлъ и Владимиръ. Собраніе открылось рѣчью Преосв. Михаила. Охарактеризовавъ дѣятельность прот. Диковскаго на пользу Братства, Владыка предложилъ собранію, въ воздаяніе заслугъ, оказанныхъ протоіереемъ Братству, избрать его почетнымъ членомъ Братства. Собраніе единогласно приняло предложеніе Владыки, Затѣмъ Владыка произнесъ многолѣтіе отбывающему о. ректору семинаріи. Поблагодаривъ Владыку и весь составъ Братства за высокую, оказанную ему честь, о. прот. Диковскій высказалъ, что Братство и его завѣты были для него всегда дороги, что и вдали отъ Гродно онъ будетъ интересоваться дѣлами Братства и радоваться его успѣху. Затѣмъ, о. прот. Диковскимъ былъ произнесенъ цѣлый рядъ многолѣтій: Преосвященнымъ Михаилу и Владимиру, всѣмъ братчикамъ и братчицамъ, начальнику женской гимназіи, директору мужской гимназіи и всѣмъ учащимъ и учащимся. „Затѣмъ, выступили съ рѣчами члены совѣта братства Д. М. Милютинъ и Н. И. Шелутинскій. Первый изъ нихъ указалъ Братству на утрату, какую понесетъ западно-русская окраина, лишившись въ лицѣ о. протоіерея Диковскаго своего безпристрастнаго изслѣдователя. Второй ораторъ остановился на тѣхъ качествахъ души о. протоіерея, которыя влекли къ нему всѣхъ. И на эти рѣчи о. прот. Ди-

ковскій отвѣтилъ столь же задушевными, проникнутыми сердечностью, рѣчами. На этомъ же собраніи о. прот. Диковскому былъ поднесенъ отъ прихожанъ въ качествѣ подарка, накладного серебра самоваръ, поднось къ нему и чайный серебрянный сервизъ. Въ день отъѣзда о. прот. Диковскаго, состоявшагося 15 дек., Преосвященнымъ Михаиломъ въ 11 часовъ дня было совершено о. протоіерею и его семейству въ крестовой церкви, въ присутствіи братчиковъ и брачицъ, напутственное молебствіе съ преподнесеніемъ отъ Софійскаго Братства иконы Успенія Пресвятой Богородицы. По окончаніи молебствія началось прощаніе... Слезы были на глазахъ всѣхъ. Многіе, желая высказать отъѣзжавшему благопожеланія, благодаря подступившимъ слезамъ, не могли говорить... „Въ 5 часовъ вечера 15 дек. о. прот. Н. Диковскій оставилъ Гродно. Проводить отъѣзжавшаго собралась такая масса публики, что на вокзалъ невозможно было пробиться. Можемъ искренно сказать,—говорится въ цитуемой статьѣ,—что рѣдко кому удается заслужить такую симпатію общества“...

Въ семьѣ у прот. Диковскаго пятеро дѣтей.—Онъ является большимъ любителемъ археологіи и досуги свои посвящаетъ ученолитературнымъ трудамъ, помѣстивъ съ 1892 г. около тридцати статей (отъ коихъ нѣкоторыя свыше 20 печатныхъ листовъ) въ „Литовскихъ“ и „Грозненскихъ Епарх Вѣдомостяхъ“, „Могилевскихъ“ и „Гродненскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ и „Виленскомъ Вѣстникѣ“. Статьи большею частью церковно-историческаго и археологическаго содержанія: были и чисто богословскія, напр. «О сочиненіяхъ Діонисія Ареопагита», «О св. Павлѣ и іудайстахъ», «О церкви по сочиненіямъ Хомякова», и пр. Въ настоящее время о. ректоръ печатаетъ свою диссертацию о Базилианскомъ орднѣ.

Н. М. Ч.

Редакторъ неофициальной части Священникъ І. ПОПОВЪ.

Печат. разрѣш. 12 апрѣля 1908 г. Владикавказъ, цензоръ протоіерей К. Александровъ.

Владикавказъ, Электротпечатня П. К. Григорьева.